

«Утверждаю»

Проректор МГУ имени М.В. Ломоносова,  
Начальник Управления научной политики МГУ  
профессор А.А. Федянин



*А.А. Федянин*  
16 Октября 2023 г.

### ОТЗЫВ

**Ведущей организации ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» о диссертации Васильева Александра Дмитриевича «Центральная Азия в политике России и Турции в XIX – первой половине XX в.», выполненной в Отделе истории Востока Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт востоковедения Российской академии наук» и представленной на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.2. – Всеобщая история**

Диссертационное исследование Александра Дмитриевича Васильева представляет собой опыт аналитического рассмотрения полторауголового истории взаимоотношений Османской державы и мусульманских государств Центральной Азии в условиях поступательного продвижения в регион Российской империи. В конце XVIII – начале XX в. центральноазиатское пространство пережило драматические трансформации, которые затронули как социально-политическую, так и культурно-экономическую жизнь местных обществ. Это пространство с точки зрения как хозяйственно-культурных типов, так и этнолингвистической ситуации характеризовалось заметной неоднородностью, местами даже мозаичностью.

Тем не менее, местные социумы (как оседло-земледельческие – в речных долинах и оазисах Мавераннахра, Ферганы и Хорезма, так и кочевническо-скотоводческие – в высокогорных, пустынных и полупустынных зонах казахских степей и Памиро-Алая) объединяло два фундаментальных фактора. Первый – почти безраздельное доминирование ислама в его суннитском изводе, который, к тому же, был представлен единственной религиозно-юридической школой – мазхабом ханафийя. Второй – относительное преобладание языков тюркской семьи (огузской, кыпчакской и карлукской групп) и господство династий тюрко-монгольского происхождения. Оба они ожидаемо создавали оптимальную почву для налаживания связей между Стамбулом, с одной стороны, Бухарой, Хивой и Кокандом, а также с Кашгаром – с другой.

Актуальность темы, избранной и развиваемой Александром Дмитриевичем, трудно переоценить. Внешняя политика Османской державы на неевропейских направлениях остается в отечественном востоковедении слабо изученной. Это (с немногочисленными оговорками) верно в отношении османо-иранских, османо-марокканских, османо-эфиопских контактов, а тем более – связей с государствами и обществами Центральной и Южной Азии. В свою очередь, внешнеполитическая активность узбекских династических режимов (бухарских Мангытов, хивинских Кунгратов, кокандских Мингов), в ее невоенной составляющей, за редкими исключениями, являет собой в русскоязычной историографии сплошное «белое пятно».

Еще слабее исследованы идейно-символические основания дипломатии Бухарского, Хивинского и Кокандского ханств, из которых их элиты исходили, позиционируя себя на международной арене. Разумеется, это словосочетание может показаться определенной натяжкой применительно к Туркестану XIX в. Однако отнюдь не стоит забывать о многовековой предыстории контактов ханств с сефевидским Ираном, могольской Индией и минским Китаем, практики и установки которых через Шейбанидов и Аштарханидов (XVI – XVII вв.) восходят к эпохе Чингисидов и Тимуридов

Исследование Александра Д. Васильева впечатляющим образом фундировано. Видное место в источниковой базе занимают документы на османском и чагатайском языках, значительная доля которых вводится в научный оборот впервые. Практически исчерпывающе задействована советская и российская, а также западная (англо-, франко- и немецкоязычная) историография. Весьма важен и блок монографий и статей, представляющих взгляды на проблему турецких историков.

Ввиду тюркологической специализации автора вполне объяснимо отсутствие персоязычных источников, на которое, тем не менее, остается только посетовать. В отличие от Хорезма и Восточного Туркестана, в Мавераннахре (Бухара) и Фергане (Коканд) именно фарси-йи дари сохранял позиции официального языка на протяжении всего рассматриваемого периода. Привлечение параллельных иранских и афганских материалов (даже в английском переводе) только обогатило бы оптику исследователя: ведь и западноперсидское (при Каджарах), и восточноперсидское (при Дуррани) историописание XIX в. уделяло пристальное внимание «северному» направлению – посольским сношениям и военным стычкам с ханствами Западного и Южного Туркестана.

Подход диссертанта к освещаемой проблематике характеризуется тщательной работой как к документальными, так и с нарративными источниками, их скрупулезный текстологический анализ, стремление вникнуть в тонкости дипломатического протокола и детали тайных переговоров, опираясь на разнотипные носители информации, что позволяет всестороннее осветить эволюцию взаимного восприятия и взаимных ожиданий османской и туркестанских элит. Это особенно ценно с учетом того, что такая эволюция в течение «большого XIX в.» была далеко не однонаправленна и поступательна. Заинтересованность султанского и эмирского и ханских дворов друг в друге как в стратегических союзниках в каждом конкретном случае объяснялась сложной геополитической конъюнктурой, неотъемлемым элементом которой чем далее, тем более

становилось расширяющиеся зоны влияния России и Великобритании. Если Санкт-Петербург в 1-й половине столетия продвигал свои форпосты все глубже в степные просторы бывшего Дешт-и Кипчака, утверждая в своем подданстве казахские жузы, то Лондон стремился ко все более эффективному контролю над высокогорными перевалами Гиндукуша и Памира, ведя сложную и не всегда успешную игру в афганских эмиратах, консолидации которых под властью рода Баракзаев он волей-неволей содействовал.

При общей композиционной стройности работы в ней находится место и для многочисленных частных эпизодов, которые причудливыми подробностями ярко иллюстрируют мировоззренческую специфику мусульманских обществ на пороге модернизации. Чего стоит случай с волосками из бороды пророка Мухаммада – частью церемониального дара от Порты Хаджи Мирза Джану, посланнику кокандского хана Маллы (1858 – 1862 гг.), которые на обратном пути были отобраны у него разбойниками, что побудило его вернуться за «другим экземпляром» к принимающей стороне (с. 114 – 115). Александр Васильев умело показывает синтетическую природу досовременной дипломатии Западной и Центральной Азии, где важную роль параллельно играли сбор разведывательных сведений, посещение прославленных богословов (улама), правоведов (фукаха) и мистиков (суфиев) и символический (а то и вполне прибыльный) товарообмен и поиск торговых преимуществ (нередко своекорыстных).

Обширный объем диссертации и ее географический и хронологический охват (нередко – и вполне оправданно – выходящий далеко за рамки XIX в.) предполагают обработку внушительного фактологического материала. При таких условиях то или иное количество неточностей в определении персоналий, ошибок в изложении событийного ряда, спорных терминологических решений практически неизбежно. Позволим себе, тем не менее, остановиться для тех моментов в представленном тексте, корректировка которых могли бы улучшить его с точки зрения как восприятия широкой

читательской аудиторией (при публикации как монографии), так и критического прочтения коллегой-специалистом.

Стоило бы проследить за единообразием в написании имен собственных и терминов на протяжении всей работы. Имена собственные перед такими титулами, как «хан», «паша», «бей», могут склоняться или не склоняться в зависимости от авторских предпочтений, но по тексту диссертации оба варианта разбросаны в произвольном порядке. Уже в оглавлении «Джемалья-паши» соседит с «Халиль-паши», «Аманулла-хана» и «Амануллы-хана» могут перемежаться от абзаца к абзацу и т.д.

Трудно проследить логику и в чередовании форм «Персия» и «Иран», Константинополь» и «Стамбул», «Эрзерум» и «Эрзурум»; наряду с «Абдулазиз» и «Абдулхамид» встречаются «Абдул Азиз» и «Абдул Гамид» и пр. Одна и та же персоналия именуется на турецкий (Мехмед Шериф) и на узбекский (Мухаммед Шериф) лад; звание «бахадур» предстает и как «багадур», и как «багатур»; звание «эфенди» пишется то через дефис и со строчной буквы (как принято в отечественной традиции), то отдельно от имени и с заглавной (по западным лекалам). На наш взгляд, предпочтительнее было бы пользоваться уже получившей в русском академическом узусе формой титула «везир», вместе устаревшего «визирь», и последовательнее проводить разграничение между обычными везирами (членами Блистательной Порты) и великим везиром (для данного периода корректнее – садразамом) как главой правительства.

Весьма нелишними были бы разъяснения как османской, так и туркестанских (бухарской, хивинской и кокандской) титулатур, которые помогли бы читателю ориентироваться в статусах дипломатических представителей, чьи миссии рассматриваются автором: «диванбеги», отдельных случаях, в то время, как листаж и насыщенность текста подобной терминологией предполагал бы наличие развернутого глоссария. Кстати пришлось бы и хронологическая (желательно даже синхронистическая)

таблица, которая отражала бы, как минимум, смену османских султанов и садразамов, бухарских эмиров и хивинских и кокандских ханов за «отчетный» отрезок времени (1790-е – 1920-е гг.).

Без объяснения остался ряд важных для понимания контекста персоналий (Азунд – стр. 94) и топонимов: Йеттишаар (с. 50), Дугляб (с. 72), Реван (с. 81); в этой связи неясно, например, что за «благородные семейства Хамадана (город на западе Ирана – *Рец.*)» могли находиться на службе у кокандского хана Умара (с. 85), и где располагалось укрепление Кызыл-яр, которое, по утверждению хана, соседствовало с его владениями (с. 86, речь, скорее всего, идет о современном Петропавловске).

Не вполне адекватные формулировки можно встретить в тех частях текста, что служат своеобразным предисловием, хронологически предваряя период, интересующий автора по преимуществу. Так, конфликт Тимур-и Ланга с Байезидом I описан как «вызов» первого второму, в то время как речь, как известно, идет о тотальном разгроме на поле битвы при Анкаре, за которым последовал, по сути, демонтаж османской государственности, возродившейся лишь через десятилетний промежуток. Неясно, что понимается под значимостью миграций тюрок-огузов «для социального порядка и внутренней стабильности Османской империи», если империя, собственно, и была порождением этих миграций по преимуществу (с. 4). Далее упоминается о столкновении интересов Московского княжества с османскими в середине XVI в. – когда Москвой уже правили даже не великие князья, а царь Иоанн Грозный (с. 5, при этом напомним, что царский титул с конца XV в. эпизодически принимали уже Иоанн Великий и Василий Иоаннович). Такое расширительное определение Московской Руси как «княжества» – непосредственного предшественника Российской империи – попадает по всему тексту Введения (с. 12, 57). Неточно утверждение (с. 529) о том, что в XVII – XVIII вв. Бухарский эмират утратил контроль над Хивой: во-первых – об эмирате в Бухаре можно говорить только с конца XVIII в.; во-вторых – бухарские ханы

никогда не контролировали Хиву дольше чем на несколько месяцев в ходе боевых действий.

Не ясен в заключении тезис автора: «В XIX – XX вв. и Россия, и Османская империя сыграли важную роль в развитии государственности в Центральной Азии» (с. 529). Понятно, что подразумевается, с одной стороны, четкое определение границ Хивинского ханства и Бухарского эмирата и растущее влияние на их внутреннюю политику после установления над ними российского протектората, а с другой – легитимирующее влияние посольских сношений Кунграатов и Мангытов с Османами и получаемых от них почетных грамот. Однако влияние такого типа вряд ли может рассматриваться как фактор государственного строительства, доказательством чему, на наш взгляд, могут послужить сами судьбы ханства и эмирата в начале XX в. (не говоря уже о Коканде и Йеттишааре, которые прекратили свое существование уже к концу в.).

Представляется не совсем доказательным утверждение, что именно А. Вамбери «заложил основу доктрины пантюркизма как политического орудия борьбы западного мира с влиянием России на Востоке» (с. 43). Думается, что пантюркистская идеология явилась гораздо более сложным феноменом, а степень политизированности лингвистических и антропологических построений Вамбери (при всем неоднозначном отношении его как англофила к России) не стоит преувеличивать. В некоторых случаях трудно согласиться с предлагаемым у автора переводом тех или иных реалий: например, «ильтифат-наме» – не столько «хвалебное», сколько «благосклонное» письмо (с. 116), а «беян-наме» – не столько «заявление», сколько «декларация» (или, применительно к джихаду, «объявление», с. 219).

Высказанные критические замечания не касаются основных положений диссертации, выносимых на защиту, и, не влияя на общую высокую оценку рецензируемой работы, носят характер технических корректив и перспективных пожеланий. Представленное исследование представляется

открытым для дальнейшей авторской доработки, по мере пополнения новым источниковым материалом и совершенствования методологической базы.

Работа А.Д. Васильева является полноценным законченным научно-квалификационным исследованием. Она выполнена на высоком профессиональном уровне, ее содержание полностью соответствует паспорту предлагаемой специальности и профилю диссертационного совета. Избранная диссертантом тема актуальна, постановка проблематики отличается новизной, основные выводы мотивированны, обоснованы и достоверны. Несомненна самостоятельность высказанных диссертантом суждений и оригинальность его аналитических подходов. Оценки и положения, сформулированные в работе, значимы для развития исторической науки, а ее материал обладает разнообразными перспективами практического применения.

Результаты диссертационного исследования А.Д. Васильева апробированы в рамках всероссийских и международных конференций. Их основные положения отражены в многочисленных научных работах, в т.ч. двух индивидуальных монографиях – «Османская империя и государства Центральной Азии: политические и культурные контакты (XVI – XIX вв.)» и «Аэроплан “Октябрьский алфавит”. Новые источники по истории реформы тюркских алфавитов в СССР в 20 – 30-е гг.», вкладах в 11 коллективных монографиях и нескольких десятках авторских публикаций, включая необходимое количество исследовательских статей, в т.ч. в изданиях, рекомендованных ВАК РФ для публикации результатов научных исследований.

**Автореферат** отражает содержание и структуру представленной рукописи.

Диссертация А.Д. Васильева отвечает требованиям пп. 9 – 14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства РФ 24 сентября 2013 г. № 842 в ред. 26.09.2022, и соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание



ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.2. – Всеобщая история.

Отзыв, подготовленный канд. ист. наук, доцентом Т.К. Кораевым, обсужден и утвержден на заседании кафедры стран Центральной Азии и Кавказа Института стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (протокол № 9 от 28 сентября 2023 г.).

Зав. кафедрой стран Центральной Азии и Кавказа Института стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (ИСАА МГУ), д.и.н., профессор

Ж.С. Сыздыкова

директор Института стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (ИСАА МГУ), д.и.н., профессор



А.А. Маслов

Сведения о ведущей организации:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

Адрес: 119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, д. 1.

<https://www.msu.ru/>